

ОН СЛОМАЕТ ЕЁ ТЕЛО  
НО НЕ СМОЖЕТ ПОДЧИНИТЬ ЕЁ ДУШУ

Элис Эванс

ЕГО

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

ОНА ЕГО НЕ НАВИДИТ, ОН ЕЁ СЕРЖИМ

Элис Эванс

**Его пленница**

«Автор»

2026

**Эванс Э.**

Его пленница / Э. Эванс — «Автор», 2026

- Что ты хочешь от меня? Кто ты такой?- Я? Что же я хочу, Хейзел? Может... твою душу? Не ту, что тыставляешь напоказ этим идиотам. А ту, что прячешь в самой глубине своего прелестного сердечка. Я сбежала, чтобы стать другой. Чтобы забыть, как легко тьма может взять верх. В этом городе, в этой кофейне, среди запахов кофе и тихой суеты, я строила себе клетку из рутины - безопасную, скучную, мою. Я убеждала себя, что научилась контролировать свои эмоции. Что если я буду достаточно внимательной, достаточно собранной, я смогу удержать ту сторону себя на цепи. Но все изменилось, когда эта цепь попала в руки ему - дьяволу, решившему вытащить наружу всю эту тьму. #темный роман #стокгольмский синдром #тяжелое прошлое #токсичные отношения Фанаты дарка бегом читать

© Эванс Э., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 12 |
| Глава 4                           | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Элис Эванс

## Его пленница

### Глава 1

- Оливия, ты не видела Билла?
- Нет. А что, опять сбежал со смены?
- Этот придурок меня скоро доведет! Сейчас время его смены. Где он шляется?
- Жаль тебя растривать, Хейзел, но, видимо, смена снова твоя.
- Капец! - вздыхаю я, опустив голову на барную стойку.

Такими темпами мне и дом скоро не понадобится. Чего уж там, посплю пару свободных часов тут, а утром продолжу работать. Все равно пока буду добираться до своей крохотной квартирки пройдет часа два. Еще и утром сюда обратно ехать. На кой мне дом, где я от силы провожу 2-3 часа? И то для сна.

- Девочки, девочки! - подбегает к нам Ванесса. Я лениво поднимаю голову. Спать хочу ужасно. - Это он! Снова пришел! Господи, спасибо тебе за него! Я думала и не увижу больше этого ходячего секса.

- О чем это она? - спрашиваю я, глядя на Оливию, которая закатывает глаза. - Как всегда. Красавчика подметила.

- Он не просто красавчик. Повернись туда. Ванесса поворачивает мою голову в сторону. Сегодня полно посетителей. Трудно сказать, о ком идет речь. Парни практически у каждого столика. - Видишь с татуировками который? Один сидит. Весь в черном. Как мачо из брутального фильма, - воодушевленно рассказывает она. - Он и вчера приходил. Заказал американо и просидел так в телефоне полчаса.

Я присматриваюсь. Среди толпы действительно выделяется один. Волосы коротко стрижены, резкие черты лица, одет он в черную футболку, которая обтягивает его мускулистое тело. На руках и шее виднеются татуировки. Внешность у него, конечно, что надо. Но я не разделяю восторга Ванессы. У меня сейчас другие заботы.

- Как по мне, обычный парень, - говорю я, отворачиваясь.

- Да ты просто не понимаешь! - возмущенно восклицает Ванесса. - Ты видишь, как он себя ведет? Так уверенно, спокойно. Настоящий мужчина. И эти татуировки... Они так возбуждают! А как наверное аппетитно выглядит его тело под этой ненужной одеждой, уф!

Оливия усмехается.

- Иди перекуси что-нибудь, глупышка. Иначе еще на него накинешься.

- Я бы и не прочь. На такого грех не кидаться. О, он подзывает официанта! Хейзел, это твой столик.

- Не мой. А Билла, - цежу сквозь зубы. Попадись он мне.

- Его здесь нет. А значит твой, - сыплет соль на рану Оливия. - Иди давай. Иначе начальница снова отштрафует. Она небось глаз с тебя не сводит, сидя за камерами сейчас.

Я вздыхаю. При всем моем желании отдохнуть, приходится снова включаться в работу. Она права. Этой мегере только и надо, чтобы я накосячила. Хотя вина тут вообще не моя. Черт! Черт! Черт! Держи себя в руках, Хейзел. Один столик.

- Улыбку не забудь, - бросает вслед Оливия.

Еле подавляю в себе желание не показать фак. Особенно в камеру, где сто пудово сидит эта мегера.

Подойдя к столику, я стараюсь изобразить на лице приветливую улыбку. Он поднимает взгляд от телефона, и наши глаза встречаются.

- Добрый вечер. Что будете заказывать? - мой голос звучит ровно, насколько это возможно.

Он оглядывает меня с ног до головы, слегка приподняв бровь. Потом снова утыкается в телефон и бросает:

- Американо. Кто бы сомневался. Очередной богатенький мальчик. Я таких за версту чую.

- Что-нибудь еще? - спрашиваю я, надеясь, что он больше ничего не захочет.

- Нет, - отвечает он, не отрываясь от телефона.

Я молча ухажу, чтобы приготовить его кофе. Пока эспрессо-машина делает свое дело, звоню Биллу. Снова недоступен. Черт! Я ему это еще припомню.

Возвращаюсь к столику и ставлю перед ним американо. Собираюсь уйти, как он вдруг произносит:

- Подожди.

Я замираю.

- Что-то не так? - спрашиваю как можно вежливее. Он чуть наклоняет голову, будто оценивает, и медленно проводит пальцем по краю чашки.

- Переделай.

- Что?

Ну приехали.

- Мне не нравится. Внешний вид не тот.

- В смысле «не тот»? - не выдерживаю я. - Это классический американо.

- Я чувствую разницу, - отвечает он так, будто это неоспоримый факт. - Переделай.

Я стискиваю зубы, но киваю. Не тот чтоб его! Снова. Еще одна порция.

Ванесса подмигивает мне из-за стойки, будто это какой-то романтический квест.

Оливия только качает головой. Возвращаюсь, ставлю перед ним новую чашку. Он даже не прикасается к ней.

- Добавь льда, - бросает приказным тоном, отодвигая чашку от себя.

- Там есть лед, - выдавливаю я.

- Я его не чувствую.

- Ты даже не попробовал.

- Вас тут так учат работать? Тыкая посетителям?

Я смотрю на него, пытаюсь понять, издевается он или такой слегка поехавший сам по себе.

- Извините. Сейчас сделаю.

Приходится идти к бару, брать щипцы и кинуть еще два кубика льда, хотя там он итак есть. Возвращаюсь, ставлю чашку. Он чуть наклоняет ее, прислушивается к тому, как они позвякивают.

- Не так, - говорит спокойно, но в этом спокойствии столько уверенности, что меня аж передергивает.

- Что опять не так? - выдавливаю сквозь улыбку, которая уже начинает походить на оскал.

- Лед слишком крупный. Тает медленно, вкуса ноль. Принеси мелкие кубики.

Я замираю на секунду, потом киваю. Внутри все кипит, но я знаю: если сорвусь, мегера увидит это на камерах, и одним штрафом я не отделаюсь.

Иду к холодильнику, достаю форму с мелким льдом. Снова возвращаюсь, кидаю мелкие кубики в чашку. Он наконец берет ее, подносит к губам, делает крошечный глоток. Потом медленно ставит чашку на стол.

- Теперь слишком холодно, - констатирует он. - Из-за мелкого льда температура падает слишком быстро. Сделай без льда, но подай отдельно стакан холодной воды. Сам решу, сколько добавить.

Да он откровенно издевается надо мной!

- Хорошо. Сейчас сделаю.

Пока готовлю воду, Оливия подходит ко мне и тихо шепчет:

- Ты только не кидай в него чашку, ладно? Хоть он и невыносимый, но это наш клиент.

- Я держусь, - цежу сквозь зубы. - Пока держусь.

Возвращаюсь, ставлю перед ним стакан с водой и чашку американо. Он кивает, будто одобряет. Но я уже знаю, что это ненадолго. Берет стакан, крутит его в пальцах.

- Вода слишком теплая.

- Она из холодильника, - говорю я, стараясь не повышать голос. - Она ледяная.

- Нет, - качает он головой. - В ней нет свежести. Принеси воду со льдом, но пусть лед будет в отдельном кувшине. Я хочу сам контролировать температуру.

Я не отвечаю. Просто иду к бару, беру кувшин, кидаю туда лед, наливаю воду. Возвращаюсь. Ставлю кувшин и стакан.

Он смотрит на меня, и в его глазах мелькает такое удовольствие от всего этого, что на секунду появляется желание бросить в него эти кубики льда, следом воду, а дальше и этот чертов американо. Я уже собираюсь уйти, потому что он наконец замолк, как этот псих снова останавливает меня:

- Принеси салфетку. Та, что на столе, мятая.

Смотрю на салфетку. Она нормальная. Просто он снова тянет время. Снова гоняет меня туда-сюда.

- Что? Не принесешь?

- Сейчас.

Иду к кассе, достаю из коробки идеально ровную салфетку, расправляю ее на ходу, чтобы ни единой складочки. Руки уже начинают дрожать. Нет, я не сорвусь. Я это уже пережила. Это просто один из выносящих мозг посетителей.

Возвращаюсь, кладу перед ним. Он берет ее, медленно складывает пополам, потом еще раз, пока не получается фигура луны. Где-то я уже видела такое...

- Свободна, - бросает он, снова утыкаясь в телефон.

Ни к чему на столе так и не прикоснулся. Индюк напыщенный, а не красавчик!

Оставшееся время проходит относительно спокойно. Отчасти потому что этот придурок ушел. Билл так и не появляется. И на звонки не отвечает.

- Все еще не берет трубку? - спрашивает Оливия, входя в раздевалку.

- Да. Так надолго он еще не пропадал.

- Забей. Видимо, за чьей-то юбкой опять гоняется. Под твою ведь не смог залезть. Ты его жестко продинамила. Может поэтому исчез?

Я хмыкаю.

- Жестко как же. Я его просто игнорила.

- Так ведь это для парней и хуже всего.

- Ладно, - я трясую головой, прогоняя эту мысль. - Забудь. У меня сейчас другая проблема: как доехать до дома и не уснуть прямо в автобусе.

- Давай я тебя подвезу, - вдруг предлагает она. - Мой район как раз по пути.

Я открываю рот, чтобы отказаться. Не хочу никого напрягать. Но тут же закрываю. Сил спорить нет.

- Спасибо, - выдыхаю я. - Ты меня очень выручишь.

Мы выходим на улицу. Ночной воздух бьет в лицо, и на секунду становится легче. Город шумит, фонари светят, машины проносятся мимо - все такое обычное, такое нормальное, будто внутри кафе не было этого странного вечера.

Пока идем к машине, чувствую на себе чей-то взгляд. Оглядываюсь. Никого. Но это странное чувство уже зародилось внутри. Как три года назад.

Я сделала все, чтобы забыть тот период жизни, как страшный сон. Начала новую жизнь вдали от всех. Но эти ощущения, интуиция... Я до сих пор все чувствую. Каждый шорох, каждый звук.

- Алё!

Оливия щелкает перед моим лицом пальцами, и этот звук резко возвращает меня в ту комнату. Нет. Это все в прошлом.

- Не делай так больше, - говорю я, открывая дверцу машины.

- Что? Вот это?

Снова щелчок. Как удар, возвращающий меня в то адское место, о котором знают лишь немногие. Щелчок. Этот чертов щелчок.

- Да. Меня раздражает этот звук.

- Ну ладно.

Мы садимся в машину, и Оливия трогается с места. Пока мы едем, я все время оглядываюсь, пытаюсь понять, откуда исходит это чувство. Но ничего не вижу. Только ночной город, который кажется таким обычным и нормальным.

Телефон в кармане вибрирует. Я вздрагиваю, достаю. Сообщение. От неизвестного номера.

*«Сладких снов, Хейзел»*

Это еще кто такой? Говорила же Ванессе не давать мой номер всяким идиотам. Блокирую его и выключаю телефон.

- Спасибо еще раз, - говорю я, когда мы подъезжаем. - Ты меня спасла в буквальном смысле этого слова.

- Всегда пожалуйста, - улыбается она. - До завтра.

- До завтра.

Я выхожу из машины, захожу в квартиру, и тут же чувствую облегчение. Я дома. Теперь можно отдохнуть.

Принимаю душ, чищу зубы и ложусь в кровать. Родненькая моя. Как редко мы с тобой видимся. Закрываю глаза. Какая-то тишина. Ясное дело я одна дома. Но это не та тишина, что бывает обычно.

Вскакиваю с кровати и мигом включаю свет. Снова проверяю дверь. Закрыта. Окна. Так же. Но почему тогда я чувствую, что не одна здесь?

## Глава 2

Следующие три дня превращаются в настоящий ад. Билл не появляется, а наша начальница, с железной хваткой и ледяным сердцем, наотрез отказывается искать ему замену.

- Пусть сам явится и скажет, что уволился, - отрезала она. - А до тех пор его рабочее место остается за ним. И ты, дорогая, будешь отрабатывать его смены.

Какое благородство! Была бы я на его месте, пинками бы выгнала. Откуда в ней столько желчи по отношению ко мне, ума не приложу. Ясно одно: покоя мне не видать.

Но это еще цветочки по сравнению с одержимым садистом. Он приходит уже третий день подряд. Занимает тот же столик, заказывает тот же американо. И снова, уже не скрывая злорадства, гоняет меня по этому бесконечному кругу.

Когда он пришел вчера, я поменялась со столиком с Ванессой. Но этот псих, словно призрак, бесшумно подошел к столику, который я собиралась обслужить, и бросил на парня взгляд. Всего один взгляд. Даже слова не сказал. А тот, видимо, испугавшись его демонической внешности, тут же ретировался.

Я застыла на месте, наблюдая, как он, с видом полноправного хозяина этого заведения, сменил стул парня на другой и уселся, не отрывая от меня своих пронзительных глаз. В нем таилось что-то темное, опасное. И эта его брезгливость, этот откровенный омерзительный взгляд - все это доводило до белого каления. И ведь американо он так и не выпил ни разу.

И вот сегодня он снова здесь. Я не стала меняться столиками. Бесполезно.

Расправляю фартук и решительно направляюсь к нему. Первые два дня его еще можно было терпеть, потому что он зависал в своем телефоне. Но последующие дни он ни на секунду не сводил с меня глаз. Даже, когда возвращалась домой я чувствовала, будто за мной кто-то наблюдает.

Знаю, нелепо так обвинять кого-то, не имея доказательств. Но все эти ощущения и дома, и на работе появились с того момента, как этот шизик появился в моей жизни. Совпадение? Не думаю.

- Добрый день. Американо? - спрашиваю сухо, без улыбки.

Он чуть приподнимает бровь, будто оценивает мою попытку держаться ровно. Красивый тип. Ванесса права, есть в нем что-то магнетическое. Но этот чертов характер... Не завидую той, что свяжется с таким.

- Да. Но сегодня сделай так, чтобы я почувствовал, что ты не хочешь меня убить.

Серьезно?!

- Не могу обещать, - бросаю, не выдержав.

Пока иду к кофемашине, чувствую его взгляд на себе - тяжелый, пристальный.

Возвращаюсь с чашкой и ставлю ее перед ним, но он не притрагивается к ней. Просто смотрит на меня, будто изучает.

- Ты дрожишь, - тихо произносит. Голос у него еще такой грубый. Подстать его внешнему виду. - От злости или от страха?

Я замираю. В груди все сжимается, но я заставляю себя поднять подбородок.

- Ни от того, ни от другого. Просто устала. У меня четвертая смена подряд.

Он молчит, потом медленно проводит пальцем по краю чашки.

- Давно здесь работаешь? - спрашивает он неожиданно.

Вопрос застает меня врасплох. Я привыкла, что посетители либо заказывают, либо жалуются, либо флиртуют. А тут просто вопрос. Без подвоха.

- Достаточно, - отвечаю я осторожно. - Чтобы знать, что некоторые гости любят усложнять жизнь.

Уголок его губ едва заметно дергается. Не улыбка, скорее хищная усмешка.

- Какая жалость. Он мне опять не нравится.

- Вы его и так не пьете, - говорю я, уже не скрывая раздражения. - Если так не нравится, закажите что-нибудь другое. Или смените кафе.

- Сменить кафе? - переспрашивает он, чуть склонив голову. Ухмылка исчезает с лица, будто я его реально обидела, а потом, бросив взгляд за мою спину, добавляет чуть громче. - Вы всегда выгоняете своих посетителей? Или только я удостоился такой чести?

Я не успеваю ничего сказать, как за спиной раздается резкий голос начальницы. Твою ж дивизию блин! Он это специально!

- Хейзел?

Я даже не успеваю обернуться, как она уже стоит рядом, выпрямившись, и смотрит на него с преувеличенной любезностью.

- Простите, пожалуйста, нашего сотрудника. У нас сегодня... непростой день.

Он не спешит отвечать. Сначала медленно поднимает взгляд на начальницу, потом снова скользит им по мне - и в этом взгляде столько холодного удовольствия, что я едва сдерживаю дрожь.

- Ничего страшного, - наконец произносит он, чуть растягивая слова. - Понимаю, усталость сказывается. Но все же хотелось бы, чтобы ко мне относились с должным уважением.

Начальница тут же кивает, будто он не посетитель, а какой-то важный чиновник.

- Безусловно! Еще раз просим прощения. И, Хейзел, ты тоже извинись. Немедленно.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Внутри все кипит, хочется выкрикнуть хоть что-то, но я знаю: если сорвусь, будет только хуже. Эта мегера только и ждет повода, чтобы выгнать меня. А без этой работы мне сейчас никак.

- Простите, - выдавливаю я, глядя не на него, а куда-то в сторону, будто извиняюсь перед пустым стулом. - Я была груба.

Уголок его губ снова дергается. Не улыбка, а скорее предвкушение. Он наслаждается каждой секундой моего унижения.

- Можете повторить, что вы сказали? Я не расслышал, - произносит он тихо, но так отчетливо, что каждое слово будто вбивается в висок.

В его взгляде пугающая, тягучая уверенность, будто он знает все мои мысли еще до того, как они успевают оформиться. Смотрит не просто на меня - он смотрит сквозь меня, в самую глубину, туда, где сейчас кипит ярость, смешанная с унижением. И в этом взгляде есть что-то хищное, почти довольное, как у зверя, который загнал добычу и теперь наслаждается ее дрожью.

На долю мгновения перед глазами встает картинка: я хватаю чашку с его "любимым" американо и швыряю ее прямо в эту спокойную, самодовольную физиономию. Вижу, как она разбивается, как темная жидкость растекается по его черной футболке, как из его безупречного спокойствия вылетает хоть одна искра настоящего чувства.

И он читает это желание в моих глазах. Не отводит взгляда, не моргает, просто смотрит. Уголок его губ медленно ползет вверх. Не улыбка, а признание: «Да, я вижу, что ты хочешь сделать». И в этой улыбке столько удовольствия, что меня буквально трясет.

Но тут же внутри закипает что-то упрямое. Я не должна срываться, не должна доставлять ему такого удовольствия. Я это уже пережила. Научилась быть нормальной. И не позволю забрать это у меня какому-то зазнавшемуся идиоту.

Медленно, с усилием разжимаю кулаки. Пальцы ноют, будто я сжимала их целую вечность. Делаю короткий, рваный выдох, будто сбрасываю с плеч тяжелый груз. И, гордо вскинув подбородок, смотрю ему прямо в глаза, теперь уже без дрожи.

- Простите, - говорю четко, ровно, так, что даже начальница, кажется, замирает от неожиданности. - Я была груба. Было непрофессионально с моей стороны с вами так разговаривать. Впредь буду следить за своим языком. Еще раз прошу прощения.

- Принято, - спокойно говорит он, будто делает мне огромное одолжение.

Начальница тут же встречается:

- Рада, что мы все уладили. И..., - она делает паузу, и я уже знаю, что сейчас будет. - Она получит штраф. Не беспокойтесь.

Внутри все сжимается, но я даже не вздрагиваю. Просто киваю. Если это цена моего сегодняшнего спокойствия, пусть забирает.

Когда мегера наконец отступает, он снова смотрит на меня с издевкой, натягивая солнцезащитные очки. Встает со стула, бросая на стол за американо купюр втрое больше. Как обычно. Наклоняется к моему уху и шепчет:

- Неплохо держишься, Хейзел. Но надолго ли тебя хватит?

И уходит.

Настроение на оставшееся время скатывается на полный ноль. Меня аж трясет всю. Снова. Он будто намеренно пытается вытащить прошлую меня наружу. Но это невозможно. Он не может знать меня. Да и о том месте известно не каждому.

Возвращаюсь домой с теми же ощущениями. За мной кто-то явно следит. Я будто уже начинаю слышать несуществующие шаги за спиной.

Раньше хотя бы эта малюсенькая квартирка служила мне убежищем. Но и здесь я не могу отделаться от этого гнетущего чувства.

Сил больше не хватает это терпеть, и я, словно обезумев, начинаю рыскать везде: опрокидываю вещи из шкафа, проверяю зеркала, лампы, диван. Отодвигаю мебель. Вглядываюсь в каждую щель в поисках камеры или чего-то подобного, но ничего не нахожу.

Я падаю на пол, прямо посреди разбросанных вещей, и обхватываю колени руками. Дыхание рваное, будто я только что пробежала десять километров.

В квартире тихо. Слишком тихо. И эта тишина давит сильнее любого шума.

«Ты сходишь с ума, Хейзел», - шепчу я, но мой голос звучит жалко, чужой, будто принадлежит той, кем я была три года назад.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь вытолкнуть эти воспоминания. Я не она. Я другая. У меня нормальная жизнь - пусть и состоит она из смен, недосыпа и крошечной квартиры, где я только сплю.

Но это моя жизнь. И я ее не отдам. Ни этому кафе, ни этой начальнице, ни тем более тому типу с татуировками, который будто специально выуживает из меня все самое слабое.

Телефон, выпавший из кармана при падении, тускло светится экраном. Я машинально тянусь к нему, и взгляд цепляется за новое сообщение. Снова неизвестный номер:

*«Так себе из тебя ищейка. Я ожидал большего. И почему штаны напялила? Мне нравится, когда ты спишь в одной футболке»*

## Глава 3

Застыв, я ощущаю, как ледяной холод пронизывает до самых костей. Я была права. Здесь камера. И этот ублюдок, кем бы он ни был, сидит и получает от всего этого удовольствие.

Он видит. Прямо сейчас. Смотрит, как я сижу на полу среди разбросанных вещей.

Я резко поднимаюсь, хватаю с полки первое, что попадает под руку - старое полотенце, которым вытирала пыль, - и заматываю им зеркало над комодом. Потом срываю с окна полупрозрачную занавеску и накидываю на лампу.

Пусть темно. Пусть хоть на минуту станет так, что ни один чужой взгляд не сможет меня разглядеть.

Достаю из ящика стола скотч - тот самый, которым когда-то заклеивала коробку с книгами, когда переезжала сюда, думая, что начинаю новую жизнь. Теперь я рву куски скотча и заклеиваю все подозрительные щели, все стыки, все места, где могла бы прятаться камера.

Знаю, что это может быть бесполезно, что если кто-то действительно следит, он использует что-то совсем незаметное. Но мне нужно сделать хоть что-то, чтобы успокоить себя.

Нет, я не боюсь, кто бы это ни был. Страх я утратила еще три года назад. Я просто не хочу доставлять этому незнакомцу удовольствие видеть меня. Хоть в одной футболке, хоть в штанах. Хоть голой.

Когда комната превращается в странное, полутемное убежище из полотенец и скотча, я замираю, прислушиваясь. Тишина теперь другая, не давящая, а будто приглушенная. Телефон по-прежнему лежит на полу.

Медленно, будто каждое движение может спровоцировать невидимого наблюдателя, я подхожу, поднимаю его и сразу захожу в настройки. Блокирую неизвестный номер, потом еще раз, чтобы точно убедиться. Затем открываю историю сообщений и удаляю весь диалог.

Но не проходит и пяти секунд, как приходит новое уведомление. И снова с незнакомого номера. Сколько у него в запасе еще номеров блин?

*«Никогда бы не подумал, что эта конура может выглядеть еще более убого, чем и без того была»*

Значит, он все еще наблюдает. Что ж, хорошо. Поиграем, раз тебе так хочется.

*«Ты - тот шизик из кафе, помещенный на американо?» - печатаю я.*

Ответ приходит практически сразу:

*«Не назвал бы себя так. Терпеть не могу американо. Подумай еще раз»*

*«Подумала. Но в голову приходит только один кандидат»*

*«Значит, он тебя зацепил? Я ревную!» «К самому себе?»*

*«Как догадалась? Да, я ревную тебя даже к самому себе»*

Маньяк!

*«Я в полицию на тебя заявлю»*

*«О своих планах так прямо в лицо не заявляют. Зачем усложнять себе жизнь? Лучшие посты. Тебе еще рано вставать на работу»*

*«Чтобы снова терпеть тебя?»*

Он не отвечает. Ну и ладно. Все равно я узнаю, кто ты.

Снова оглядываюсь. Где же эта чертова камера может быть? Где бы он ее не спрятал, если он хочет шоу, он его получит.

Резко, одним движением стаскиваю с себя штаны. Футболка летит следом. Остаюсь в тонкой майке и нижнем белье. Ложусь на кровать, специально не подтягиваю одеяло. Пусть видит.

Хватаю телефон и печатаю ему:

*«Удачно подрочить тебе, мудак»*

Нажимаю отправить. Секунду смотрю на галочку «Доставлено», потом еще одну - на «Прочитано». И усмехаюсь. Поднимаю средний палец в воздух и показываю фак ему. Ты даже не представляешь, с кем связался.

Откладываю телефон, поставив будильник, и закрываю глаза. К черту его. Я у себя дома. И не собираюсь из-за него становиться здесь стеснительной гостьей.

Сон приходит быстро, несмотря на адреналин, кипящий в крови. Я знаю, что он там, наблюдает, но усталость берет свое.\*\*\*

Утро. Будильник безжалостно вырывает из сна. Первое, что я делаю, - это проверяю телефон. Никаких новых сообщений. Я улыбаюсь. Что, сдался? Или просто ждет нового представления? Неважно. Я готова ко всему.

Поднимаюсь, умываюсь, иду на кухню. Завариваю кофе - крепкий, черный.

Вспоминаю его слова про американо. Он терпеть его не может. Значит, не он. Хотя, кто знает, может, он просто пытается сбить меня с толку. А может говорит правду? Тот чел из кафе так-то никогда не пил его.

Стараюсь не обращать внимания на занавешанные окна и заклеенные щели. Комната выглядит абсурдно, но мне плевать. Это мое пространство. Я решаю, кто здесь главный. И так никогда не нравилась эта, как он выразился, "конура".

Переодеваюсь в ванной, хотя не сомневаюсь, что и там что-то есть. Собираюсь и выхожу из дома. Сажусь, в как обычно забитый автобус и еду на работу.

По дороге ловлю себя на мысли, что он придет сегодня. Пусть. Если придет, сделаю все, чтобы выяснить сталкерит ли он меня. А если не придет, то это вообще готовый ответ. Переодеваюсь в раздевалке и выхожу в зал. Поворачиваюсь к столику, за которым он обычно садится, и вижу его. Пришел все-таки. Не дожидаясь, пока он позовет, иду к нему.

- Американо? - спрашиваю спокойно, даже чуть небрежно, будто он самый обычный посетитель, а не тот, кто последние дни вытягивает из меня душу по ниточке.

Он поднимает на меня взгляд. В нем мелькает что-то похожее на удивление, будто не ожидал, что я подойду первой. Потом медленно улыбается.

Смотрю на его руки - на эти татуировки, на то, как он медленно кладет телефон экраном вниз. Экраном вниз! Есть, что скрывать?

- Ага, - произносит он тихо, почти с усмешкой, но в голосе уже нет той ледяной издевки, что была раньше.

Я киваю, иду к кофемашине, и пальцы сами сжимаются крепче, чем нужно, на ручке питчера.

Возвращаюсь, ставлю чашку. Он не тянется к ней. Просто смотрит на меня.

- Ты сегодня другая, - говорит спокойно.

- Выспалась. Одна живу, каждую ночь страшно было засыпать. А вчера появился личный охранник моего сна.

Он усмехается. Смешно тебе?

- То есть парень появился? - уточняет он. В его движениях нет ни намек на панику, только абсолютное спокойствие.

- Не парень. Скорее... незванный зритель.

Он чуть приподнимает бровь, но не спешит с ответом.

- Видимо, тебе такие по вкусу, раз выспалась.

- Обожаю! - выдыхаю я, растягивая губы в улыбке. - Так им увлеклась, что даже забыла надеть нижнее белье, когда выходила.

Его взгляд замирает на моем лице. Он не оглядывает меня, как сделали бы все извращенцы после таких слов. Просто смотрит в глаза. Уголок его губ ползет вверх, в той самой фирменной полуухмылке, и в этом взгляде я читаю безошибочно: «Врешь ведь».

- Завидую этому зрителю.

- Да? Маньяк маньяку завидует? По мне, так ужасная картина.

- Я в том смысле, что он смог привлечь твое внимание. Это почти невозможно. А на маньяка можно ведь и заявить. В чем проблема?

- В том, что я предпочитаю решать свои проблемы сама. На маньяка, на убийцу - без разницы. Я найду управу на любого. Это даже интересно.

Он чуть наклоняет голову, и в этом жесте нет ни насмешки, ни снисхождения, скорее... уважение. Будто он впервые видит не официантку, которую можно гонять по кругу, а кого-то, кто умеет дать отпор.

- Интересно, говоришь? - тихо переспрашивает он, проводя пальцем по краю чашки, но уже не так, будто проверяет температуру, а будто просто ищет, чем занять руку. - Обычно нормальные люди таким не интересуются. Они убегают.

- Так я ненормальная, - отрезаю я тихо, но уверенно и сразу же переключаюсь на работу. - Если больше пожеланий нет, я пойду.

Он отрицательно качает головой, и я быстро ухожу. Не понятно пока, кто он за фрукт. Вроде бы и он, а вроде и просто такой же придурок. Еще один.

Весь день проходит на ногах. Сегодня он задерживается надолго, чем обычно. Пользуясь случаем, пока начальницы нет, я доверяю свои столики Оливии и иду в раздевалку. Мы так часто выручаем друг друга, чтобы передохнуть на время.

Я просто собиралась немного отсидеться и вернуться в зал, но сон взял вверх. Я засыпаю даже не на полчаса, а вижу такой длинный сон, которому нет ни конца, ни края. Снова то место. Я лежу на кровати, привязанная за обе руки к поручням. В воздухе витает запах антисептиков и лекарств, который уже въелся мне в кожу.

Слышу тяжелые, быстрые шаги. Потом резкий свет яркой лампы бьет прямо в глаза. Раздается щелчок возле лица. Еще один. И голос мужика в белом халате, который я успела возненавидеть уже за неделю нахождения там.

- *Подъем, Хейзел.*

Снова щелчок.

Они там всех так будили по утрам. Резкий, яркий свет, оглушительные звуки после ночи, полной мучительной тишины, щелчки и голос, командующий: «*подъем*».

Я мотаю головой, не желая открывать глаза. Дергаюсь, но руки не позволяют встать. Только они решают, развязывать их или нет.

И голос, не умолкающий ни на секунду:

- *Подъем, Хейзел... Подъем, Хейзел... Подъем...*

Я резко открываю глаза и вскакиваю. Во рту пересохло, на лбу проступил пот, а дыхание рваное, будто я только что вынырнула из ледяной воды. Секунду сижу, прижавшись спиной к шкафчику, и пытаюсь понять, где я. Раздевалка. Кафе. Не то место. Не та удушающая палата.

- Это просто сон, Хейзел, - шепчу себе, но голос звучит хрипло, как будто я кричала во сне.

Провожу ладонью по лицу, пальцы дрожат. Ненавижу этот липкий страх, который цепляется когтями и не отпускает даже после пробуждения.

Из зала доносятся голоса посетителей, где-то звякает посуда. Реальность. Обычная, серая, невыносимо прекрасная реальность. Я медленно поднимаюсь, опираюсь на дверцу шкафчика, чтобы не упасть. Ноги ватные, в голове все еще крутится этот голос: «*Подъем, Хейзел... Подъем...*»

Ненавижу его. Ненавижу то место. И ненавижу, что оно до сих пор может вот так выпрыгнуть из темноты и схватить меня за горло.

Выхожу из раздевалки, стараясь держаться ровно. Не хочу, чтобы кто-то заметил мое состояние. Я не та Хейзел. И не должна больше становиться той, если не хочу вернуться в тот ад снова. Я - обычная, бедная официантка, которая живет от смены к смене.

И тут я его вижу. Он все еще там. За своим столиком. Не ушел. Сидит, откинувшись на стуле, и зависает в своем телефоне. На секунду у меня возникает дежавю, будто я его уже где-то видела. Но я отгоняю эти мысли. Это все из-за сна.

Делаю глубокий вдох и иду к бару, где всю работу делают другие девушки. Внезапно появляется Ванесса, хлопая меня по плечу.

- Чего раскисаешь? Опять тот красавчик мучает?

- Не напоминай о нем. И так нелегко, - бурчу себе под нос.

- На тебе лица нет. Вот, выпей.

Она протягивает мне стакан воды, который я с радостью опустошаю, утоляя жажду.

- Спасибо.

- Пожалуйста. Он тебя зовет?

- Кто? - спрашиваю я, держась за голову. Сейчас бы поспать нормально, а не вот это вот все.

- Твой. А теперь идет сюда.

- Что?

Не успеваю я обернуться, как перед глазами кто-то щелкает пальцами. А потом слышу его голос прямо возле уха:

- Подъем, Хейзел.

Я застываю на месте, задержав дыхание, когда вижу лицо психа перед собой. Что он... только что...

Он пристально смотрит на меня, и в этом взгляде нет ни насмешки, ни привычной холодной игры. Только что-то тяжелое, знакомое до боли, будто он прекрасно понимает, что этот щелчок и это слово делают со мной.

Он был там. Сто пудово был.

## Глава 4

Он кладет деньги на барную стойку и, развернувшись, уходит. На пару мгновений я выпадаю из реальности, провожая его взглядом. Прихожу в себя, когда он уже пересекает порог кафе. Стрелой вылетаю вслед.

- Постой!

Он не реагирует. Спокойно, словно и не слышит меня, идет к своей машине, которая стоит кучу бабок. Я знаю эту марку. Таких в стране единицы. А значит он чертовски богат, и есть большая вероятность, что он там был.

- Да стой же ты! - настигаю его у самой машины, загораживая дверцу собой, когда он готовится сесть. - Кто ты?

Он вскидывает бровь, усмехаясь.

- Хочешь познакомиться поближе? Так внезапно?

- Ты знаешь, о чем я. Кто ты такой? Зачем приходишь сюда каждый день и донимаешь меня? И... это ты следишь за мной и присылаешь сообщения?

- Ну и самооценка у тебя, конечно, - фыркает он, делая шаг вперед. От этой внезапной близости становится не по себе. За версту чуяла от него опасность. А вблизи кажется еще мрачным. Кто ты за тип такой?

- Тогда зачем так сделал?

- А что я сделал? - невозмутимо бросает он. А мне ему все лицо расцарапать охота и стереть уже эту бесячую ухмылку.

- Неважно. Ты все равно отвертишься. Скажи лучше, как тебя зовут.

- Оо! Так бы и сказала, что это повод сблизиться со мной. А то я уже начал думать не того ли ты. Я так-то не против. Но кажется мое мнение тут и не учитывается. Меня еще не скидывали с борта в моей же машине.

Легкий кивок в сторону машины. Не совсем понимаю, о чем это он. Достав ключи из кармана, он отключает блокировку и протягивает их мне.

- Что? Разве не для этого загородила мне дверь?

- Хватит нести чушь. Просто назови свое имя, - руки действуют быстрее языка, и я отбрасываю его ключи в сторону. Они звякают, падая на асфальт. Он так резко подается вперед и вжимает меня в машину, хватая за подбородок, что я сначала теряюсь, но за пару секунд беру себя в руки. - Что, дьявол внутри рвется наружу?

Он усмехается - медленно, будто смакует каждое мое слово.

- Дьявол? - переспрашивает он, чуть склоняя голову. - Мне и не нужно, чтобы он рвался наружу, Хейзел. Сам прекрасно справляюсь.

Он не отпускает мой подбородок, но и не сжимает сильнее. Просто держит, будто изучает, как я буду реагировать. А я не имею права дрогнуть. Ни на миллиметр.

- Тогда что это за цирк? - выдавливаю сквозь зубы. - Сначала преследуешь меня, потом делаешь вид, что ничего не происходит, а теперь еще и ключи свои суешь, будто я тебе тут романтику развожу.

- А разве нет? Ты ведь не собиралась меня отпустить.

- Я и сейчас не собираюсь, - говорю твердо, хотя внутри все дрожит от этой близости. От его запаха - чего-то горького, мужского, с оттенком дорогого парфюма. - Пока не скажешь, кто ты.

- Ладно, - он вдруг отпускает мой подбородок и делает шаг назад, но только чтобы тут же наклониться вперед, почти касаясь губами моего уха. Я замираю, чувствуя, как по спине пробегает ледяная волна. - Меня зовут Гвидон. Довольна? Теперь можно расступиться?

- Гвидон..., - повторяю я, пробуя имя на вкус, будто оно должно что-то мне подсказать. Но ничего. Просто имя. Обычное. Слишком обычное для такого, как он. И вообще не подходящее ему. - Хреновое имя.

- Хреновое? - он снова чуть подается вперед, на этот раз прижимаясь плечом к машине так, что отрезает мне путь к отступлению. Не грубо, не агрессивно, скорее как человек, который уверен, что никуда я не денусь. - Ну прости. Изменить его не могу. Привыкай.

- И не собираюсь, - бросаю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, а не дрожал от этой близости.

- Придется.

- Это сейчас в ход пошли угрозы?

- А ты я смотрю цепляешься за любое мое слово, чтобы выставить меня маньяком.

- Да мне и цепляться не нужно. Ты все сам на блюдечке, подаешь.

- Да? - он чуть наклоняется вперед, теперь уже почти к самым моим губам, и я чувствую, как воздух между нами становится густым, почти осязаемым. - Может, и мне тогда тебя считать маньячком? Носишься за мной, дорогу преграждаешь, имя мое испытываешь...

- Это твой гениальный план? Довести меня, чтобы я в конец с катушек слетела?

- Не-а. Мой план куда интереснее. Просто еще не время для его премьеры. А теперь, с твоего царского позволения, мне пора.

Он резко отступает, отталкивая меня в сторону. Хлопнув дверью, плюхается за руль и рвет с места, оставляя за собой лишь вихрь пыли. Я так и продолжаю стоять, словно вкопанная. Он только сильнее все запутал.

Гвидон... Я не знаю никакого Гвидона. Даже имя такое впервые слышу. Черт! Никакого прогресса! А мне еще домой возвращаться, чтобы этот ублюдок включил на свои экраны охранный фильм, где девушка шляется по своей квартире, как загнанная мышка.

И в полицию я не могу пойти, потому что мне никто не поверит. Официально я ведь числюсь психушкой, хоть это и в прошлом. Да и этот мудила чат очистил. Заметила это еще утром в автобусе. Надо было скрины блин сделать.

Возвращаюсь в кафе. В последнее время все идет хреново. И Билла еще нигде нет. А может его исчезновение как-то связано... Нет. Это уже полная дичь.

«А когда в твоей жизни не творилась полная дичь?» - тут же подкидывает мозг.

- Хейзел! Хейзел! - подбегает ко мне Ванесса, улыбаясь от уха до уха. - Это что сейчас было?

- Что?

- Ну вы... Боже, вы бы себя видели со стороны! Это прям... мощь была! Такие искры! Такой огонь! Такая жарница между вами была! Все так и зависли на вас!

Мдаа... Видно, что в книжках живет.

- Там ничего не было. Я просто имя хотела его узнать, - отрезаю я, направляясь к бару. Все и впрямь смотрят на меня сейчас.

- Только это? - не отстает она.

- Только это.

- Так могла бы меня спросить.

- Спасибо, я уже узнала. Весь из себя такой важный. А имечко дебильное. Гвидон тоже мне. Откуда его родители только откопали такое имя?

- Гвидон? Кто? Он? Не Райан разве?

- Кто? - поворачиваюсь к ней, останавливаясь.

- Я случайно услышала, когда он разговаривал по телефону. К нему чел в трубке обращался так. Я точно помню.

- Райан... - повторяю я, и это имя ложится на язык совсем иначе, чем «Гвидон». Не такое чужеродное. Не такое нелепое. Но от этого не легче, наоборот, будто пазл щелкает на место, и картинка становится еще страшнее.

- Ты уверена? Точно слышала?

- Ага, - кивает она, чуть прищуриваясь. - Он отошел к выходу. А я как раз мимо шла. И там такой голос в трубке: «Райан, ты опять в своем репертуаре...» Ну я и запомнила. А что? Это меняет что-то?

Меняет. Еще как. Он специально это сделал. Специально дал мне ложный след, чтобы я крутилась на месте, как загнанная. И ведь сработало - я и правда крутилась, пыталась ухватить хоть что-то, хоть какую-то правду, а он все это время просто наблюдал и усмехался про себя.

Райан... Райан... Я знаю только одного Райана оттуда. Райан Роудс. И если это он, я попала в дерьмо. Конкретно.

- Хейзел, ты чего? - Ванесса трогает меня за рукав, и я вздрагиваю. - На тебе лица нет.

- Все нормально, - выдавливаю я, но голос звучит чужим, ломким. - Просто... голова закружилась. От этих смен. От всего.

Она смотрит на меня с сомнением, будто хочет сказать: «Не ври», но не говорит. Вместо этого просто кивает и отступает на шаг, давая мне пространство, которого все равно недостаточно.

Я отхожу к бару, хватаюсь за край столешницы так, что костяшки белеют. В груди все сжимается, и этот узел тянет вниз, к тем самым воспоминаниям, которые я столько времени пыталась похоронить.

Это была частная психиатрическая клиника. Не знаю, на каком конце света она находилась, но о ней практически никто не знал. Там держали проблемных детей. Платили каждый месяц миллионами врачам, директору и всему персоналу, думая, что нам там помогают. А на деле они нас пытали. Превращали в еще больших психов.

Каждое утро начиналось одинаково: щелчок, будто шепет дьявола возле уха слово «подъем», лекарства, одна и та же каша с фруктами и компотами, какие-то блядские лекции, которые тощая ботанка в очках читала с такой медленной скоростью, что мозг уже начинал сходить с ума. Хотелось выбить ей зубы, кричать, лишь бы прервать эту дуру.

Но кричать было нельзя. За крик - изоляция. За взгляд не туда - изоляция. За попытку заговорить с соседом по палате - изоляция. За попытку побега - изоляция. За то, что не принял лекарство - изоляция.

Изоляция - это вообще отдельная история. Маленькая комната без окон. Только бетон, один стул, лампа, которая горит, мигая каждую секунду, чтобы свести с ума еще сильнее. И тишина. Такая плотная, что она начинала давить на уши, как вода на глубине. Там ты оставался наедине с собой и с тем, что они успели в тебе сломать.

И среди всего этого был Райан Роудс. Я никогда не видела его. Но слышала о нем постоянно там. Монстр, дьявол, убийца. Как его только не называли. Еще ходил слух, что он напал на врача. Нас убеждали в обратном, но того врача так никто и не видел больше.

Еще говорили, что он не подчиняется сигналам. Что на щелчок не вздрагивает. Что когда к нему подходят санитары, он смотрит так, будто это они у него в гостях, а не наоборот. Говорили, что однажды он еще сломал руку одному из врачей - не в драке, не в ярости, а просто потому, что тот подошел слишком близко. Потом еще пустил поднос с кашей и компотом прямо в лицо поварихе. И после этого его стали держать отдельно.

Поначалу я тоже была такой. Накидывалась на врачей, что хотели мне вколоть какую-то дрянь, огрызалась в ответ, не слушала их и только дерзила. Я тряслась каждую секунду, мечтая прикончить там каждого.

Однажды даже получилось сбежать из этого дурдома. Воспользовалась моментом, когда к ним явилась важная шишка, которую они встречали всей клиникой.

Мне на пути попался полицейский. Но этот идиот был за них и как раз проверял территорию вокруг клиники. Никогда не забуду рожу и ржач этого урода, когда он приволок меня туда обратно.

Они делали все возможное, чтобы мы не смогли оттуда выбраться. Родителям втирали какую-то хрень, что мы не поддаемся лечению, что нужно еще время, чтобы как можно больше заработать на нас. И нас снова бросали там. Никто не слушал, что бы мы ни рассказывали. Никто и не верил психам.

Один раз я выложила им все, что с нами делают, что держат, как роботов, не давая ни глотнуть нормального свежего воздуха на улице, ни уж тем более выйти из этой клиники. Родители побледнели, но потом директор положил ладонь маме на плечо и тихо сказал: *«Это ее болезнь. Она умеет манипулировать эмоциями близких. Сейчас у нее обострение, но мы справимся. Дайте нам еще месяц»*. И они кивали.

Я помню, как смотрела на этот кивок, и внутри меня что-то оборвалось. Не надежда - она уже была мертва. А что-то другое. Что-то, что дало мне силы встать не просто против этой клиники, а против всего этого блядского мира.

Я поняла их схему. Был один нюанс, который они не могли не выполнить. С нами раз в месяц устраивали встречу родители или другие близкие, чтобы проверить, как мы.

Я решила, что если не выберусь оттуда с помощью своей семьи, то никогда не смогу. Вот и начала прятать свои эмоции глубоко внутри. Было сложно. Настолько сложно, что это не описать словами, ведь мой язык и тело всегда действовали раньше мозга.

Как бы ни пыталась, все равно срывалась. Меня бесил там практически каждый второй человек, я не выносила их улыбок, хотела стереть их навсегда, чтобы хоть раз плакали, а не смеялись, хоть раз взрывались от злости, а не выдыхали облегченно. Я ненавидела их всей душой. Но держала монстра внутри себя на цепи.

Я училась быть нормальной. Улыбаться. Отвечать на вопросы родителям. Говорить «да», «нет», «мне здесь помогают». Я смотрела маме в глаза и видела, как она хочет верить, что все хорошо. И я давала ей эту веру. И ей, и отцу.

Я там провела полтора года. И постепенно начала настолько хорошо прятать свои эмоции, что могла закипеть перед врачами и медсестрами, а через пару секунд превратиться в самого милого ангела перед родителями.

Их это бесило, а я ликовала от того, что наконец стерла бесячие улыбки с их лиц. Собственно так я и ушла оттуда. С гордо поднятой головой и улыбкой на глазах у всех.

Остаток смены тянется бесконечно. Я механически разношу заказы, улыбаюсь, извиняюсь, убираю посуду - все это на автопилоте. Мысли крутятся вокруг одного: зачем? Зачем он пришел? Зачем следит? Зачем вообще ему нужна я? И как он оттуда выбрался?

Когда смена наконец заканчивается, я выхожу на улицу, и холодный воздух бьет по лицу, как пощечина. Город шумит, мигает огнями, живет своей жизнью, а я чувствую себя призраком, который случайно застрял между двумя мирами: тем, где меня ломали, и этим, где я пыталась собрать себя заново.

До дома я добираюсь на автомате. В автобусе стараюсь не смотреть в окно, не ловить отражения, не замечать взглядов, не думать о том, что за мной кто-то наблюдает.

Дома все так же. Если сравнить дом, где я жила с родителями и эту конуру, то это как президентский дворец и свалка. Причем в прямом смысле этого слова.

Снова оглядываюсь. Он сейчас видит меня? Достаяю телефон, захожу в чат с ним и печатаю:

*«Не надоело прятаться?»*

Две синие галочки сразу. Значит ждал моего сообщения?

*«Нет. Интересно наблюдать за тобой вот так. Сегодня устрой мне ночное шоу, чтобы я не спал или все же не надеяться и закрыть глазки?»*

Вот же извращенец первого сорта.

*«А что, недостаточно подрочил вчера?»*

*«А ты как думаешь?»*

Его манера речи, к слову, подозрительно похожа на того придурка. Что, если это один и тот же человек? И это Райан Роудс.

С другими я общаюсь осторожно, с фальшивой вежливостью, которой никогда во мне не было. Но с ним... с ним из меня так и лезет настоящая я. Не сдерживаюсь и пишу ему:

*«Думаю, что своего дружка тебе лучше не выпускать из рук, особенно по ночам. А лучше купи искусственную щель, куда будешь его совать, потому что мою тебе не видать, сраный псих»*

Отправляю, и пальцы чуть подрагивают не от злости, а от азарта. Думаешь, меня пугают такие фразочки?

Телефон тихо вибрирует.

*«Сколько грязных слов в одном сообщении. Хорошим девочкам не пристало так выражаться, Хейзел»*

*«Мудилам вроде тебя тоже не пристало клеиться к хорошим девочкам. Не знаю, что тебе от меня надо, но закатай губу. Меня ты не получишь. Ни тело мое, ни душу. Свали в закат, пока прошу по-хорошему»*

Он не отвечает. Печатающие точки появляются, но потом исчезают. Я откладываю телефон, когда он уже больше минуты молчит. Но спустя еще пару минут он снова вибрирует. И это сообщение пускает по моему телу волну мурашек.

*«Проверим, Хейзел? Возьму и то и другое уже сегодня. Не откроешь дверь желанному гостю? Я уже почти тут»*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.